

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

Сысолятин Александр Андреевич

**Принципы философской методологии
Ф. Ницше в «Так говорил Заратустра»**

5.7.2. История философии

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Москва – 2023

Диссертация выполнена на кафедре истории зарубежной философии философского факультета ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова».

Научный руководитель:

Фалёв Егор Валерьевич, доктор философских наук, доцент

Официальные оппоненты:

Перцев Александр Владимирович, доктор философских наук, профессор, ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина», профессор кафедры истории философии, философской антропологии, эстетики и теории культуры Департамента философии Школы бакалавриата Уральского гуманитарного института;

Сокулер Зинаида Александровна, доктор философских наук, профессор, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова», профессор кафедры онтологии и теории познания философского факультета;

Кода Надежда Викторовна, кандидат философских наук, ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет», преподаватель кафедры истории зарубежной философии философского факультета.

Защита диссертации состоится «25» сентября 2023 г. в 17:00 на заседании диссертационного совета МГУ.057.2 Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова по адресу: 119234, г. Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4 (учебно-научный корпус «Шуваловский»), философский факультет, аудитория А-518 (Зал заседаний Ученого совета факультета).

E-mail: diss@philos.msu.ru.

С диссертацией можно ознакомиться в отделе диссертаций Научной библиотеки МГУ имени М.В. Ломоносова (Ломоносовский просп., д. 27) и на портале: <https://dissovet.msu.ru/dissertation/057.2/2606/>.

Автореферат разослан «__» _____ 2023 г.

Учёный секретарь
диссертационного совета,
кандидат философских наук

А.П. Беседин

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования.

Актуальность исследования философской методологии в «Так говорил Заратустра» состоит в том, что, несмотря на традиционное для ницшеведения положение о своеобразности этого произведения в рамках корпуса текстов Ницше, источник своеобразия остаётся не вполне очевидным. Независимо от того, считается ли текст «Так говорил Заратустра» одним из проявлений некой господствующей тенденции в ницшевской философии, или же он оценивается как стоящий особняком артефакт мышления Ницше, – различным интерпретациям не удаётся составить единую картину того, как и с какой целью этому произведению была придана его оригинальная форма.

Проблема методологии в случае «Заратустры» связана с вопросом о философском статусе этого текста: если Ницше считал своё произведение философским, и если мы также хотим считать его частью именно философии, а не литературы, например, – то необходимо определить, какие теоретические задачи текст решает и каким образом он их решает. Любая попытка сформулировать эти положения относительно «Так говорил Заратустра» сталкивается, во-первых, с отсутствием внутри самого текста явной рефлексии о методе, действующем в нём, а во-вторых, с отсутствием явной рефлексии на эту тему также в других текстах Ницше. Каждое свидетельство, которое мы можем зафиксировать, оказывается энигматичным, требующим интерпретации описанием совершённого в «Заратустре» открытия. Это приводит к тому, что многочисленные исследовательские подходы к анализу «Заратустры», накопленные ницшеведением, также могут стать объектом интерпретации, поскольку придерживаются разных исходных установок относительно текста Ницше. Проблема, таким образом, заключается не только в том, какова философская методология, действующая в тексте «Так говорил Заратустра», но ещё и в неопределённости самого способа, которым следует искомую методологию описывать.

Книга «Так говорил Заратустра» многократно оценивалась самим Ницше как ключевое произведение его философского проекта, однако это

обстоятельство создало специфическое препятствие для её полноценного прочтения. Тематически другие тексты Ницше, так или иначе, связаны с «Заратустрой», в том числе и не оформленный им самим свод фрагментов «Воля к власти». Реконструкция определённых компонентов его философии или же проекта как целого может быть проведена без привлечения текста «Заратустры» непосредственно. Этому способствует и литературная дистанция, отделяющая центральное ницшевское произведение от остальных его работ. Несмотря на то, что афористичное письмо используется им во множестве текстов, только «Так говорил Заратустра» обладает полностью развитой художественной формой и не содержит ничего даже напоминающего аргументативные рассуждения.

Тем не менее, нельзя не заметить, насколько большое значение Ницше придавал среди всех написанных текстов именно этому: «Вы присутствуете при возникновении самой возвышенной и чреватой будущим книги, которая когда-либо была написана; Вам выпала честь жить в эпоху этой книги. И что же? Ничто в Вас не благословляет бытие за то, что такие вещи могут появляться на свет?»¹ Кажется невозможным полностью проигнорировать такие оценки, когда их даёт сам автор, и если довериться автору в этом отношении и допустить, что Ницше по крайней мере иногда высказывался подобным образом не только из-за личной привязанности к своему произведению, но и потому, что хотел показать, как следует другим читателям относиться к нему, – то проблема методологии «Так говорил Заратустра» становится центральной проблемой при анализе этого текста.

Эту проблему следует отличать от других общих для исследования философии Ницше проблем, что ставит нас перед вопросом: имеются ли какие-то пути интерпретации, которые были бы ясно указаны самим текстом, и не переносились бы из общего контекста философии Ницше? Для того чтобы избежать такого переноса, нам нужно сконцентрировать своё внимание на элементе, отсутствующем в остальных произведениях, и через него раскрывать специфичность «Заратустры», – таким элементом, несомненно, является сам

¹ Ницше Ф. Письма. М., 2007. С. 222.

главный герой. Это далеко не единственное философское произведение, в котором присутствует вымышленный персонаж, и также не единственное произведение Ницше, в котором задействованы вымышленные персонажи. И всё же автор «Так говорил Заратустра» настаивал на том, что этот его текст отличается от всех остальных, поэтому частью вопроса о методологии становится вопрос о статусе главного героя: действительно ли в рамках произведения он производит нечто уникальное, и если да, то что именно.

Одной из главных особенностей «Так говорил Заратустра» является даже не уже упомянутая литературность, а то, что сам Ницше называл экспериментальностью: «Мы сами хотим быть собственными экспериментами и подопытными животными!»² – что подразумевает постановку под вопрос не только нашего знания, но и нашего существования. Эксперимент в данном случае соотносится с ницшевской идеей «философии будущего», т. е. такой философии, которая, предположительно, изменила бы сам способ философского мышления. Заратустра, будучи сюжетным предвестником сверхчеловека: фигуры, которая равно соотносится со всеми фундаментальными трансформациями, предполагавшимися Ницше, – позиционировался своим автором как ни с чем не сравнимое открытие, причём такое открытие, которого он не мог ожидать. Заратустра появляется в жизни Ницше, а не только производится им, что делает вопрос о намерениях автора относительно своего центрального персонажа самостоятельной проблемой.

Поиск такого способа рассмотрения текста «Так говорил Заратустра», который исходил бы, насколько это возможно, из самого текста, требует от нас обращения к Заратустре не только как к одному из персонажей, но и как к собственно элементу методологии, т. е. такому элементу философской работы Ницше, который несёт на себе нагрузку по производству искомых решений. Оригинальность литературной формы произведения Ницше должна быть воспринята нами не как загадка, осложняющая восприятие его идей, а как необходимое для философа средство достижения определённых целей или же вовсе как один из искомых им результатов. Именно в качестве такого средства

² Ницше Ф. Сочинения в 13 т. Т. 3 / «Весёлая наука». М., 2014. С. 506.

и одновременно результата Заратустра будет интересовать нас в рамках этой работы.

Степень разработанности темы.

Из всего множества касающихся философии Ницше исследований для нашего проекта релевантны те, предметом которых является, прямо или косвенно, формальная сторона текстов Ницше. Под этим подразумеваются ницшевские проблематизации языка, процесса познания, истины, письма и письменной культуры, позиции автора, а также методологически важные идеи, связанные с ницшевской критикой метафизики. Отдельную группу составляют исследования, предметом которых выступает сам текст «Так говорил Заратустра» и его центральный персонаж.

Внимание к Заратустре как к философскому инструменту в руках Ницше является традиционным для исследовательской литературы, однако рассмотрение дискурсивных характеристик главного героя «Так говорил Заратустра» в качестве основного средства интерпретации этого произведения можно назвать относительно молодым подходом. Саймон Вортман указывает в качестве одного из отправных для литературно-дискурсивного истолкования Заратустры текстов книгу Сары Кофман «Ницше и метафора»³, изданную впервые в 1972 году. Сфокусированная, прежде всего, на концептуализации ницшевского понимания метафоры, данная работа показывает разнообразие способов, каким тексты Ницше задействуют метафору в качестве философского инструмента. В частности, С. Кофман демонстрирует, что метафоричность текста в случае Ницше следует считать необходимым условием философской работы, поскольку сам язык, с точки зрения Ницше, обладает неотъемлемой метафоричностью. Заратустра как персонаж является ярким примером того, что отношение между субъектом и объектом оказывается эстетическим на фундаментальном уровне.

Структура Заратустры как персонажа Ницше рассматривается в значительном числе работ, при этом нельзя сказать, что существуют лидирующие линии концептуализации: авторы фокусируют внимание на

³ Sarah Kofman, *Nietzsche and Metaphor*. Stanford University Press, 1994.

разных элементах. В качестве наиболее распространённых объектов исследовательского интереса можно назвать речи Заратустры, относительно которых ставятся вопросы о том, обладает ли Заратустра как рассказчик действительным знанием или же он имитирует пророческое знание? является ли Заратустра «успешным» пророком или его фигура должна считаться символом риторического поражения? следует ли считать, что Заратустра сконструирован своим автором как герой, пребывающий в неведении о своём действительном статусе «неудачника», или же Заратустра производит саморазоблачение? Эта линия анализа характерна для Вернера Штегмайера⁴, Саймона Вортманна⁵, Джозефа Саймона⁶. Концептуальным пересечением их работ является образ Заратустры как персонажа и главного рассказчика произведения, пребывающего в состоянии неопределённости. Именно этот образ служит отправной точкой данной диссертации в анализе места Заратустры в дискурсивной структуре произведения.

Следует обратить внимание также на исследования, в которых разрабатывается идея специфичности самого текста «Так говорил Заратустра», т. е. способности текста производить на читателя некий эффект в силу особенностей самой его дискурсивной структуры. Ирис Дарманн пишет о трагической структуре заратустровской драмы, которая приводит читателя к экстатическому эффекту⁷. Пауль Лоэб стремится продемонстрировать, что вечное возвращение является не только концептом, который текст «Так говорил Заратустра» транслирует, но что оно также воплощено в структуре произведения и становится ясным для читателя посредством самого действия чтения⁸. Александр Нехамас утверждает, что текст «Так говорил Заратустра» намеренно не проясняет свои ключевые идеи, поскольку основной целью Ницше в этом произведении является создание условий для того, чтобы

⁴ Werner Stegmaier, *Europa im Geisterkrieg. Studien zu Nietzsche*, Open Book Publishers, 2018.

⁵ Simon Wortmann, «das Wort will Fleisch werden». *Körper-Inszenierungen bei Heinrich Heine und Friedrich Nietzsche*, Springer, 2011.

⁶ Josef Simon, *Ein Text wie Nietzsches Zarathustra // Friedrich Nietzsche. Also Sprach Zarathustra*. Herausgegeben von Volker Gerhardt, Akademie Verlag, 2012.

⁷ Iris Därmann, *Rausch als «ästhetischer Zustand»*. In: *Nietzsche-Studien*, Band 34, 2005.

⁸ Paul S. Loeb, *The Death of Nietzsche's Zarathustra*. Cambridge University Press, 2010.

провоцировать поиск понимания со стороны читателя⁹. Подходы исследователей опять-таки не концентрируются вокруг каких-либо базовых концепций, но общей их линией является экспликация средств, с помощью которых текст «Так говорил Заратустра» превращается из завершённого символического объекта в активную сторону отношений с читателем. В данной диссертации прояснение смысла активной роли текста «Так говорил Заратустра» является одной из основных задач.

Другая группа исследований включает в себя работы, демонстрирующие концептуальную связь между философией и биографией Ницше, а также связь литературного и философского аспектов его произведений¹⁰. Предлагаемый в них способ рассмотрения ницшевских текстов наиболее близок тому способу, который используется в нашей работе, поскольку демонстрация прямой связи между содержанием ницшевских произведений и его пониманием самого себя раскрывает ещё один контекст для анализа «активного» характера текста «Так говорил Заратустра».

Значительное число сравнительных реконструкций, ставящих Ницше или текст «Так говорил Заратустра» в общий ряд с какими-либо иными текстами и философами и стремящихся продемонстрировать наличие многообразных традиций, пронизывающих ницшевское творчество¹¹, будут иметь для нас ситуативное значение. Концептуальное сопоставление является продуктивным в той мере, в какой любое развёрнутое сравнение точек зрения внутри общей темы позволяет обогатить понимание каждой из них в отдельности. В случае Ницше это кажется особенно важным, поскольку его нигилистический пафос

⁹ Nehamas A. For whom sun shines: A Reading of Also sprach Zarathustra. In: Also sprach Zarathustra. Akademie Verlag, Berlin, 2012.

¹⁰ Paul De Man, *Allegories of Reading. Figural Language in Rousseau, Nietzsche, Rilke, and Proust*. Yale University Press, 1979; Alexander Nehamas, *Nietzsche. Life as Literature*. Harvard University Press, 1987; Sean Burke, *The Ethics of Writing. Authorship and Legacy in Plato and Nietzsche*. Edinburgh University Press, 2008.

¹¹ T. K. Seung, *Goethe, Nietzsche and Wagner. Their Spinozan Epics of Love and Power*. Lexington Books, 2006; Laurence D. Cooper, *Eros in Plato, Rousseau, and Nietzsche: the politics of infinity*, The Pennsylvania State University Press, 2008; Ernst Behler, *Nietzsche in the twentieth century // The Cambridge Companion to Nietzsche*, Cambridge University Press, 2006; Alan D. Schrift, *Nietzsche's French legacy // The Cambridge Companion to Nietzsche*, Cambridge University Press, 2006; etc.

может создавать впечатление отказа от всякой связи с философией предшественников и даже последователей. Тем не менее, поскольку фокусом нашего внимания являются не связи Ницше с каким-либо философскими традициями, а произведённые в рамках отдельного текста методологические эксперименты, мы не будем уделять сопоставительным работам большое внимание.

Среди реконструкционных работ отдельное внимание привлекают исследования, которые пытаются включить в общий контекст философии Ницше источники, часто остающиеся на периферии: поэтическое и музыкальное наследие¹². Они также позволяют расширить границы интерпретаций, будучи не только дополнением к привычному корпусу текстов, но и «пробным камнем» для них: если мы предполагаем, что Ницше придавал своим текстам художественные черты, исходя из своей философской методологии, то его собственно художественные произведения могут содержать ключи для понимания этой методологии.

Значительная часть текстов, относящихся к нашей теме, являются апроприирующими или «наследующими» Ницше, т. е. обращаются к ницшевской философии или отдельным её элементам как к источнику собственных концепций. В рамках таких работ центральный персонаж «Так говорил Заратустра» рассматривается как часть некоего большего философского события, источником которого является сам Ницше. В работах М. Фуко и Ж. Деррида¹³ специфическая форма рассматриваемого нами текста оценивается как наиболее ценная и первичная в смысловом отношении его часть. Ж. Батай развивает свой философский проект «метода медитации»¹⁴ (и предлагает так понимать) как продолжение проекта Ницше. М. Хайдеггер и К. Ясперс проводят целостные интерпретации философии Ницше в отношении к

¹² Benjamin Moritz, *The Music and Thought of Friedrich Nietzsche*, 2002; Grundlehner P., *The Poetry of Friedrich Nietzsche*. Oxford University Press, 1986.

¹³ Фуко М. Ницше, Фрейд, Маркс // Кентавр, 1994, №2; Фуко М., О трансгрессии // Танатография Эроса. – Санкт-Петербург, 1994; Деррида Ж., Ухобиографии. – Санкт-Петербург, 2012.

¹⁴ Батай Ж., Сумма атеологии. – Москва, 2016.

своим философским проектам¹⁵, полагая отношение между собой и им в контексте европейской философии вообще (Ницше как рубежная фигура европейской философии).

Цели и задачи исследования.

Целью диссертации является реконструкция «дискурса Заратустры» в качестве руководящего методологического принципа текста «Так говорил Заратустра» и выявление его элементов, способов действия и производимых им эффектов.

Для достижения этой цели должны быть решены следующие *задачи*:

- Описать дискурсивную роль главного героя и связанные с ним способы производства смысла в «Так говорил Заратустра»;
- Показать связь дискурсивных характеристик Заратустры с другими персонажами текста и продемонстрировать, что существует прямая связь между «дискурсом Заратустры» и формой произведения в целом;
- Проанализировать эпистемические характеристики выявленного «дискурса Заратустры», чтобы охарактеризовать предполагавшиеся Ницше философские результаты применения этого дискурса;
- Проанализировать онтологические характеристики «дискурса Заратустры», чтобы показать его специфическую позицию относительно автора и читателя.

Объект и предмет исследования.

Объектом исследования являются текст «Так говорил Заратустра», тексты философских и поэтических произведений Ницше в целом, а также рефлексии автора относительно статуса этого текста в его философском проекте, содержащиеся в дневниках и письмах.

Предметом исследования является методологическая роль дискурсивной структуры текста «Так говорил Заратустра»: задействованных в нём

¹⁵ Хайдеггер М., Кто такой ницшевский Заратустра? / пер. И. А. Болдырева. – Вестник Московского университета. – Москва, 2008. - № 4; Хайдеггер М., Ницше в 2 т. / Санкт-Петербург, 2006, 2007; Ясперс К., Ницше. – Санкт-Петербург, 2003.

риторических средств, системы персонажей, состава и строения речи главного героя, а также статуса текста по отношению к своему автору.

Научная новизна исследования заключается в следующем:

- 1) Предложено понятие «дискурса Заратустры» в качестве инструмента описания методологического своеобразия произведения Ницше. Указание на наличие у персонажа произведения собственного дискурса, не тождественного философскому дискурсу автора, позволяет подвергнуть анализу ранее не испытанный в ницшеведении в полной мере подход к интерпретации «Так говорил Заратустра» через идею автономии текста.
- 2) Проведён оригинальный анализ системы женских персонажей текста «Так говорил Заратустра» и «романтического» сюжета, связанного с главным героем. В ходе этого анализа удалось продемонстрировать, что Заратустра не является лишь художественным инструментом ницшевской философии, но и выступает в качестве самостоятельного философского эксперимента, нацеленного на поиск не-трансцендирующего языка.
- 3) Для описания дискурсивной трансформации Заратустры было адаптировано батаевское понятие эксцесс, которое в данной работе понимается, прежде всего, как отказ Заратустры от завершённых форм знания. Это позволило концептуально объединить проблему интерпретации «Так говорил Заратустра» с темами статуса философского знания и возможных форм философии в ницшевском проекте в целом.
- 4) Продемонстрирована методологическая роль насилия в «Так говорил Заратустра». На основе ницшевских представлений об эстетическом проведён анализ отношений между автором и персонажем, на основе которого сформулирована идея взаимного творческого насилия и телесности текста Ницше, т. е. тенденции «Так говорил Заратустра» влиять на способ существования читателя.

Теоретическая и практическая значимость результатов исследования.

Теоретическая ценность работы заключается в обращении к новому слою анализа текста «Так говорил Заратустра» и демонстрации того, как на его основе может быть сформулирована методологическая идея Ницше. Избранный

в работе подход позволяет говорить о ницшевской мысли как о едином проекте без погружения в прямое истолкование наиболее известных её элементов.

Материалы диссертации могут послужить основой для чтения учебных курсов по истории зарубежной философии XIX века, а также спецкурсов, посвященных философии Ницше и её современным рецепциям. Данное в работе описание эксцессуального текста может быть использовано в качестве исследовательского инструмента при анализе философских произведений других авторов.

Методология исследования.

Данная работа является, в первую очередь, концептуальной реконструкцией, т. е. стремится путём сопоставительного анализа текстов как самого Ницше, так и других текстов, посвящённых ему, максимально уточнить понимание высказанных им идей. Мы не уделили внимание проблеме статуса Заратустры как фигуры одновременно литературной и исторической¹⁶, поскольку возможный конфликт между образом Заратустры, изобретённым Ницше, и реконструируемым на основании исторических источников не является важной частью интересующей нас темы. Заратустра производит специфические трансформации в способе написания и чтения текста, независимо от того, какой именно исторический контекст связан с центральным ницшевским персонажем.

Необходимо, однако, оговориться, что основным фокусом историко-философской реконструкции идей Ницше в нашей работе является не автор и созданная им философия, а сам текст «Так говорил Заратустра». В отличие от исследований, которые Вальтер Кауфман считал мистификациями на тему философии Ницше за их пренебрежение структурой и биографическим контекстом рассматриваемых текстов¹⁷, мы вовсе не стремимся показать, что мысль Ницше лишена целостности, что она составлена из противоречий и потому рациональной реконструкции не поддаётся. Продолжая сказанное, мы

¹⁶ David Wyatt Aiken, Nietzsche's Zarathustra. The Misreading of a Hero, Nietzsche-Studien, 2006.

¹⁷ Kaufmann W. Nietzsche: Philosopher, Psychologist, Antichrist. Princeton University Press. 1974. P. 3–18.

также не стремимся обосновать идею, будто авторский замысел в случае Ницше – это совершенно незначительный параметр творчества, который можно не принимать во внимание, поскольку он ничем не обогащает понимание ницшевской философии. Однако мы выбрали объектом своего исследования специальным образом именно «Так говорил Заратустра» для того, чтобы, обособив его в рамках корпуса текстов Ницше, описать, в чём заключается его исключительность и какие концептуальные средства действуют в нём. Автор при этом будет рассматриваться нами как один из источников, содержащих информацию об устройстве текста «Заратустры».

Автономия текста Ницше и его главного героя заявлена нами в качестве проблемы, подлежащей рассмотрению. То обстоятельство, что объектом нашего внимания становится не просто отношение автора к своему произведению, но и предполагаемое отношение произведения и персонажа к своему автору, накладывает специфическое требование на то доверие мнению Ницше, о котором мы говорили выше. Для того, чтобы соответствовать поставленной перед собой цели, нам необходимо во время анализа и реконструкции отстраняться от идеи о своего рода онтологическом преимуществе автора перед написанным текстом. В противном случае мы предвосхитим результаты нашей работы: автономия Заратустры (что бы она ни значила) окажется художественным эффектом, мнимостью, которую Ницше конструирует в интересах своей фантазии и полноты воздействия на читателя.

Для того чтобы воздержаться от иерархического подчинения текста своему автору, мы должны изменить порядок нашей исследовательской речи. Среди прочего, это значит, что Заратустра, продолжая быть персонажем произведения, будет рассматриваться нами как один из агентов того высказывания, которым является текст «Так говорил Заратустра». В некоторых случаях это приведёт к тому, что мы будем говорить о ницшевском тексте как о высказываниях Заратустры. Такой подход вновь создаёт риск предвосхищения результатов исследования, однако, в соответствии с представлением Ницше об «эксперименте» над самим собой, мы будем считать это одним из вариантов постановки эксперимента: что мы получим, если станем относиться к Заратустре как к самостоятельному агенту речи?

Ещё одним элементом избранного подхода является необходимость использования и даже введения терминов, не характерных для самого Ницше. Предоставление слова самому тексту «Так говорил Заратустра» предполагает, что далеко не все способы описания, практиковавшиеся Ницше как автором по отношению к своему произведению, являются эффективными, т. е. способными объяснить интересующий нас методологический аспект обсуждаемого текста. Правило, согласно которому мы будем привлекать к описаниям те или иные «не-ницшевские» термины, заключается в том, чтобы вводить их уже по результатам определённого шага анализа, т. е. на основе промежуточного описания, которое придерживается терминологии Ницше, – с целью прояснения этого описания.

Наконец, следует сказать, что преимущественной теоретической опорой работы являются «наследующие» Ницше авторы, т. е. те, кто видел своё философствование продолжением (тем или иным образом) философствования Ницше: Деррида, Батай, Хайдеггер, Фуко и т.д. Это требует отдельного объяснения. Позиция «наследника» Ницше, что особенно ярко проявляется в том случае, когда подобный титул принимается добровольно, – требует от претендента не буквального продолжения той работы, которую Ницше вёл, а её преодоления. Александр Нехамас усматривал в этом одну из основных черт «Так говорил Заратустра»: «Он [Ницше] отчаянно хочет передать другим идеал того, что жизнь индивидуальности является самой ценной формой человеческой жизни, но не может передать его прямо. Его идеал не имеет никакого предопределённого содержания: существует бесчисленное множество способов быть индивидуальностью... а индивидуальность – это тот, кто учреждает образ жизни, который другие не могут предвосхитить»¹⁸. Автор «Заратустры», по словам Нехамаса, вынужден воздерживаться от формулирования в окончательном виде своих концепций, чтобы не подорвать главную идею – необходимость для читателя становиться самим собой.

Кажется, что объявив в самом начале о необходимости довериться мнению самого Ницше о значимости его произведения, мы неизбежно

¹⁸ Nehamas A. For whom sun shines: A Reading of Also sprach Zarathustra. In: Also sprach Zarathustra. Akademie Verlag, Berlin, 2012. P. 125.

присоединяемся к логике преодоления, заданной также высказываниями Ницше. Это, однако, верно лишь отчасти. Автор «Так говорил Заратустра» не может являться инстанцией последнего мнения для кого-либо из своих «наследников», что и позволяет говорить о совершающемся преодолении самого Ницше тоже. Заданность философских проектов его высказываниями (а также и нашей работы) не запрещает затем трансформировать идеи Ницше, когда для этого создаётся основание. В нашем же случае основанием исследования является намерение не развить с помощью Ницше некий свой собственный философский проект, а удержаться между двумя вариантами: проведением чистой реконструкции, которая невозможна без насыщенного контекстуального рассмотрения, отвергнутого нами, и тем самым «наследованием» Ницше, забирающим себе «своё». Образ и позиция Заратустры не могут быть представлены исключительно в рамках первого способа исследования, но и не должны быть растворены внутри второго. Для этого мы будем пользоваться обоими способами сразу, – с расчетом на то, что они уравновесят друг друга.

Положения, выносимые на защиту.

- 1) В дискурсе произведения «Так говорил Заратустра» можно выделить специфическую часть, сконцентрированную вокруг главного героя и несущую на себе основную методологическую нагрузку – «дискурс Заратустры». Главный герой «Так говорил Заратустра» позиционируется как ключевая инстанция понимания, к которой отсылают остальные элементы текста. При этом задачами «дискурса Заратустры» в рамках произведения являются саморазоблачение текста и учреждение автономной художественной реальности. Основными компонентами «дискурса Заратустры» являются дискурсивная неопределённость и неполнота.
- 2) Дискурсивное саморазоблачение, т. е. одновременное притязание на знание и отказ от какого-либо определённого знания, выступает в качестве методологического принципа, который руководит отношениями Заратустры с другими элементами текста. В случае романтических отношений главного героя саморазоблачение реализуется как утрата

главным героем своей художественной определённости. Заратустра трансформируется в особый дискурсивный комплекс, предположительно способный производить знание, основываясь на неопределённости. Этот дискурсивный комплекс мы обозначили батаевским термином «эксцесс».

- 3) Эксцесс можно назвать наиболее общей дискурсивной характеристикой «Так говорил Заратустра», а также одним из главных методологических достижений этого текста. Эксцесс соотносится с ницшевскими представлениями об автономии языковой действительности и является выражением парадоксального положения дел, при котором фиктивный мир произведения обладает степенью реальности, сопоставимой с реальностью фактического мира, в котором существуют автор и читатель. При этом эксцесс не может обнаруживаться в тексте «Так говорил Заратустра» прямым образом, не теряя своего методологического значения, и остаётся риторически скрытым.
- 4) Эпистемически эксцесс можно охарактеризовать как принцип избыточности понятийной формы знания. Заратустра в качестве эксцессуальной фигуры стремится нарушить границу дискурсивного и внедискурсивного, настаивая на том, что ключевым методологическим требованием к производимому знанию должна быть его незавершённость. Это требование распространяется также и на самого знающего, равно читателя, автора и главного героя, от которых требуется всегда рисковать знанием о самих себе.
- 5) Эксцессуальный характер текста «Так говорил Заратустра» проявляется в отношениях с автором/читателем как взаимное эстетическое насилие. В случае Заратустры и Ницше это означает, что и автор, и литературный персонаж являются источниками эстетической трансформации, которая затрагивает способ существования другого. Дискурсивная неопределённость не может состояться в качестве методологического принципа «Так говорил Заратустра», если её действие ограничено фактическими рамками текста. Это предполагает, что эксцесс захватывает не только содержание произведения, но и весь контекст его существования.

Степень достоверности и апробация результатов исследования.

Степень достоверности результатов исследования определяется опорой на широкий круг источников и исследовательской литературы по теме диссертации, включающей в себя отечественные и зарубежные работы, а также избранной методологией исследования, предполагающей анализ источников и предмета исследования с позиции включённого наблюдателя. Мы оцениваем текст «Так говорил Заратустра» и даём ему проблематизирующие описания в первую очередь на основе тех затруднений, которые текст создаёт при чтении, и позволяем им вести нас за собой, чтобы обнаружить неявные связи между ними.

Основные положения и выводы исследования были изложены в 4-х статьях, опубликованных в изданиях, отвечающих требованиям п. 2.3 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова.

Диссертация была обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры истории зарубежной философии философского факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Результаты исследования прошли апробацию в рамках Всероссийской научной конференции «Философия перед лицом новых цивилизационных вызовов» (МГУ имени М.В. Ломоносова, философский ф-т, 4-5 февраля 2022 г., доклад «Женское и мужское как дискурсивные элементы “Так говорил Заратустра”»).

Структура диссертации.

Диссертационное исследование состоит из введения, четырёх глав, заключения и библиографии.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **Введении** дано обоснование актуальности темы диссертационного исследования, охарактеризована степень разработанности темы в отечественной и зарубежной литературе, описан методологический подход, использованный в исследовании, определены объект, предмет, цели и задачи, обозначены положения, выносимые на защиту, практическая и теоретическая значимость исследования, а также его научная новизна.

В **Главе 1 «Роль главного героя в “Так говорил Заратустра”»** проводится анализ позиции Заратустры как персонажа, играющего роль основного голоса произведения, и формулируются в первом приближении ключевые черты искомого «дискурса Заратустры».

В **первом параграфе первой главы** мы анализируем пророческую речь Заратустры и характеристики его пророческого знания. Несмотря на то, что Заратустра выступает в роли проповедника, текст не предоставляет ясного знания ни о конечном содержании, ни о конечных целях его проповеди. Более того, анализ текста показывает, что Заратустра избегает этого знания. Он предпочитает скрывать смысл проповеди в том числе от самого себя. Ряд ключевых для хода повествования глав показывает, что Заратустра настойчиво повторяет ситуации, в которых он вынужден задержать или даже остановить собственную речь. Главный герой множество раз демонстрирует свою дискурсивную слабость, одним из проявлений которой можно считать открыто выражаемые и Заратустрой, и самим Ницше в других текстах сомнения в ценности этих пророческих речей.

Во **втором параграфе первой главы**, сопоставляя ницшевские рефлексии о своём статусе в качестве автора Заратустры с речами главного героя произведения, мы замечаем, что исходной моделью мысли в обоих случаях является фигура Бога как одинокого творца. При этом, будучи пророком сверхчеловека, Заратустра отказывается от указания какого-либо трансцендентного источника своего учения, и не может объявить самого себя его источником. Двойственная позиция речи Заратустры обозначается нами как «божественная». В силу своих дискурсивных характеристик, Заратустра выступает основным источником знания в тексте произведения, однако не

может стать регулярной частью этого знания. Его речь представляет собой постоянно повторяющееся дискурсивное фиаско, попытка преодолеть которое порождает избыточное производство смысла, принимающее форму многочисленных разоблачающих речей. Исходя из установки на первоначальное доверие мнению Ницше о собственном произведении, мы предлагаем понимать конструируемую Заратустрой смысловую неопределённость как искомую цель и действительный смысл ницшевского текста. Именно дискурсивная неполнота является тем, что Заратустра сообщает читателю, и именно её мы называем ключевым элементом «дискурса Заратустры».

В Главе 2 «Отношение главного героя к другим элементам текста “Так говорил Заратустра”» сформулированная идея смысловой неопределённости была раскрыта нами через рассмотрение отношений Заратустры с женскими персонажами произведения, а также через более глубокий анализ риторических средств, использованных для конструирования неопределённости.

В первом параграфе второй главы, основываясь на ницшевских представлениях о природе языка, мы описали его представления об автономии языковой действительности, корнем которой является фундаментальная метафоричность языка. Ницше анализирует сложное отношение между двумя формами метафор, составляющих содержание языка. Мы обозначили их как риторические режимы: стабилизации метафор и безудержного производства метафор. Эти режимы соответствуют паре аполлонического и дионисийского из ранних ницшевских текстов. Мы проследили по тексту «Так говорил Заратустра» то, как в нём действуют эти режимы, и обнаружили, что аполлоническая метафорика сновидения (ей соответствует термин Traum) является основным мотивом текста, в то время как дионисийская метафорика экстаза (ей соответствует термин Rausch) практически не заметна, но при этом является ключевым формообразующим элементом риторики всего произведения. Сновидение выступает основным средством, с помощью которого Заратустра скрывает смысл своей проповеди. При этом его постоянные возвращения в ситуацию незавершённого откровения показывают,

что риторический режим экстаза, даже действуя скрытно, является ведущим риторическим элементом текста.

Во **втором параграфе второй главы** был проведён анализ системы женских персонажей «Так говорил Заратустра». В первую очередь они выступают основными (помимо Заратустры) инстанциями разоблачающей речи, которая осуществляет разоблачение и самого центрального персонажа. С их помощью Заратустре удаётся избегать позиции ясной, «мужской» речи. Условный романтический сюжет, аполлонический по своему характеру, указывает на действующую в тексте логику саморазоблачения, т. е. разоблачения разоблачающего персонажа, которым прежде всего и является Заратустра. Роль женских персонажей, однако, этим не исчерпывается. Финальная романтическая пара главного героя, Вечность, ставит его в позицию не разоблачения, а такого преодоления самого себя в своей художественной определённости, что речь Заратустры приобретает черты одновременного и мужской, и женской речи. Таким образом, отношения главного героя с женскими персонажами текста выстроены в соответствии с описанной в первом параграфе второй главы риторической структурой. В результате парадоксального соединения мужской и женской позиций возникает новая дискурсивная фигура, которая была обозначена нами как эксцесс.

Глава 3 «Эпистемический статус Заратустры» посвящена уточнению смысла понятия эксцесс и эксцессуальной позиции Заратустры. Будучи дискурсивной формой, эксцесс должен сообщать нам какое-либо знание, однако в предыдущих главах было показано, что основой эксцесса является смысловая неопределённость. Можно предположить, что эксцессуальное знание будет обладать парадоксальными характеристиками.

В **первом параграфе третьей главы** мы расширяем описание эксцесса через обращение к концепту трансгрессии. В противоположность трансценденции, трансгрессия предполагает автономию онтологических и эпистемических границ от иерархически преобладающих источников бытия и знания. Иными словами, трансгрессия предполагает, что мы оцениваем границу как самостоятельную бесконечно смещающуюся величину. Многократно повторяющееся разоблачение главного героя «Так говорил Заратустра» и энигматические финалы его истории показывают, что он является

трансгрессивным героем, чьей ключевой характеристикой выступает незавершённость. Знание, которое он формулирует и демонстрирует, не направлено на решение какой-либо проблемы или на постановку проблемы. Знание для Заратустры является средством, с помощью которого он производит свою незавершённость, и в этом смысле любое знание для него становится рискованным, поскольку он претендует на то, чтобы делать утверждения, отказываясь от поиска оснований.

Во **втором параграфе третьей главы** проводится сопоставление эксцессуальной позиции Заратустры с ницшевским описанием дискурсивной позиции философа и формулируется идея автономии как цели эксцесса. Обобщённую фигуру философа Ницше анализирует в третьей части текста «К генеалогии морали». Основным признаком философского знания Ницше называет стремление философа скрыть себя, притворившись носителем знания иного рода (чаще всего аскетического знания). Главным же интересом философа является достижение автономного мышления, что, согласно Ницше, означает стремление создать автономный философский мир. Заратустра и ницшевский философ разделяют общие дискурсивные характеристики. Обе эти фигуры, что многократно подчёркивается Ницше, являются чрезвычайно уязвимыми в сравнении с любыми другими фигурами знания, т. к. они имеют меньше всего шансов осуществиться в собственном качестве. Ставкой философского знания, а также и ставкой знания Заратустры, является собственная определённость существования знающего, и рискованный характер такого знания означает стремление совершить высказывание, содержание которого было бы непредсказуемым.

В **Главе 4 «Проблема автономии текста “Так говорил Заратустра”»** мы анализировали идею автономии Заратустры с точки зрения тех условий, которые должны быть соблюдены, чтобы автономия могла реализоваться. Объектами нашего внимания являлись авторская позиция в отношении своего персонажа и позиция текста в отношении потенциального читателя.

В **первом параграфе четвёртой главы**, отталкиваясь от ницшевских представлений об эстетическом, мы описали отношения между главным героем и автором «Так говорил Заратустра» как отношения взаимного творческого насилия. Ключевое значение для понимания эстетического у Ницше имеет

понятие идеализации. Ницше утверждает, что художественный образ производится автором из вещи с помощью особой трансформации, при которой устраняется часть её черт ради интенсификации других. Такое воздействие Ницше называет эстетическим насилием над вещью. Подобную трансформацию, в то же время, претерпевает и сам автор, теряя часть собственной определённости перед лицом идеализированных вещей и входя в состояние непрерывной трансформации. Анализ речи Заратустры и свидетельств самого Ницше показывает, что и персонаж, и автор оказывают друг на друга идеализирующее воздействие. Несмотря на то, что Заратустра является продуктом чужого творчества, он выступает инстанцией, транслирующей на других эффекты неопределённости и незавершённости.

Во **втором параграфе четвёртой главы** мы рассмотрели эстетическую самостоятельность главного героя «Так говорил Заратустра» в контексте определённости этого текста как символического объекта. Сам Ницше неоднократно говорил о том, что его текст предназначен для того, чтобы трансформировать образ существования читателя. Эксцесс в качестве дискурсивной формы произведения действует в отношении читателя как средство идеализации, которое, однако, принципиально не доводит её до конца, т. е. осуществляет её бесконечно. Это порождает символический объект, который перестаёт вмещаться в рамки чисто символической действительности. Ницше в роли читателя собственного текста продемонстрировал, что «Так говорил Заратустра» является чем-то бóльшим, нежели просто продуктом его творчества. Это позволяло ему говорить о Заратустре как об источнике тех знаний, которыми он, Ницше, обладает. Такое превышение текстом своих границ мы назвали телесностью текста, подразумевая под этим специфическую жизненность, свойственную «Так говорил Заратустра», сопоставимую с жизненностью человека, создавшего это произведение.

В **Заключении** кратко формулируются основные выводы диссертационного исследования относительно методологического своеобразия текста «Так говорил Заратустра» и автономии главного героя.

III. СПИСОК ПУБЛИКАЦИЙ ПО ТЕМЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Публикации в изданиях, отвечающих требованиям п. 2.3 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В.Ломоносова:

I. Публикации в рецензируемых изданиях, индексируемых в международных базах Web of Science, Scopus, RSCI:

1. Сысолятин А.А. Творческое насилие: к интерпретации методологии «Так говорил Заратустра» // *Философия и общество*. 2022. Т. 103. № 2. С. 91-105 (RSCI; импакт-фактор РИНЦ (пятилетний/двухлетний) – 0,402/0,523).
2. Сысолятин А.А. Роль Заратустры в философском проекте Ницше // *Вестник Московского университета. Серия 7. Философия*. 2018. № 2. С. 19-32 (RSCI; импакт-фактор РИНЦ (пятилетний/двухлетний) – 0,326/0,222).

II. Публикации в журналах, включенных в Список рецензируемых научных изданий по философским наукам, утвержденный решением Ученого совета МГУ имени М.В.Ломоносова:

3. Сысолятин А.А. Женские персонажи в «Так говорил Заратустра» // *История философии*. 2021. Т. 26. № 1. С. 39–52. (импакт-фактор РИНЦ (пятилетний/двухлетний) – 0,352/0,302).
4. Сысолятин А.А. Риторика Заратустры: метафоры как элемент философии Ницше // *История философии*. 2022. Т. 27. № 1. С. 31–41. (импакт-фактор РИНЦ (пятилетний/двухлетний) – 0,352/0,302).